

СОЦИЕТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КАСПИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ¹

М. С. Топчиев

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Поступила в редакцию 25 ноября 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме социальной безопасности России, определения ее геополитических угроз в Каспийском макрорегионе. Методология исследования строится на сочетании социально-философского, философско-политического и исторического подходов. В результате исследования получены выводы о методологическом значении Концепции социальной безопасности и определены основные геополитические угрозы России в пространстве Каспийского макрорегиона.*

Ключевые слова: *социетальная безопасность, Россия, Каспийский макрорегион, геополитические угрозы, терроризм, религиозный экстремизм, российское общество.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of Russia's societal security, the definition of its geopolitical threats in the Caspian macroregion. The research methodology is based on a combination of socio-philosophical, philosophical-political and historical approaches. As a result of the study, conclusions were drawn about the methodological significance of the Concept of societal security and the main geopolitical threats to Russia in the space of the Caspian macroregion were identified.*

Key words: *societal security, Russia, Caspian macroregion, geopolitical threats, terrorism, religious extremism, Russian society.*

Концепция социальной безопасности и ее «фактическое» применение в исследовании геополитических угроз России

Экстраполяция идей концепции социальной безопасности в методологическое поле исследования вопросов безопасности России в Каспийском макрорегионе, на наш взгляд, возможна по следующим основаниям. Во-первых, российское общество представляет собой чрезвычайно сложную многоуровневую социальную систему, в социальной реальности которой на протяжении веков существует огромное число этнических, конфессиональных, региональных сообществ. Во-вторых, исследование направлено на изучение взаимодействия России и других стран-субъектов Каспийского макрорегиона – особого географического и социального пространства. И, в-третьих, культурно-политическая специфика России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Ирана во

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социальной безопасности».

многим определяется ведущей ролью государства во всех общественных процессах, что вынуждает нас смягчать методологическую оппозицию «Государство – Общество (сообщества)», характерную для копенгагенской школы социетальной безопасности (О. Waever, В. Buzan) и придерживаться «интегрального» подхода, учитывающего значимую роль государства (как одного из социальных субъектов) в конструировании социальной реальности и обеспечении социетальной безопасности.

Исходя из ключевых аспектов концептуально-методологического подхода к социетальной безопасности, «направленных на изучение изменений восприятия содержания социальной реальности, типа социальной интеграции, механизмов формирования социальных норм как элементов общей системы конструирования практической социальной реальности» [1], можно провести социально-философский анализ влияния геополитических угроз на социетальную безопасность России в Каспийском макрорегионе в контексте сотрудничества с другими основными странами-субъектами: Ираном, Казахстаном, Туркменистаном, Азербайджаном.

Очевидно, что внешние и внутривнутриполитические угрозы направлены на деструктивность восприятия социальной реальности как элитами, так и массами населения России и стран Каспийского макрорегиона. Данные угрозы, в первую очередь, реализуются через «работу» с сознанием и ценностно-смысловыми ориентациями в каналах внешней межкультурной коммуникации и интернет-среде. Разрекламированный образ «богатого и всемогущего» Запада во главе с США многие десятилетия являлся фактически когнитивным оружием по девальвации национальных и региональных культур, идентичностей и, как следствие, суверенитетов. Искаженное восприятие населением России и стран Каспия собственной социальной реальности как «менее привлекательной», «бедной», «несвободной» создает огромный манипулятивный потенциал для формирования протестных настроений с целью свержения политических режимов, проводящих независимую национальную политику. В отношении же части политических элит стран Каспия задействовано обещание их включения «в Западный политический Олимп», что также поддерживается различными ритуальными пиар-акциями, международными контактами, наградами и т. п. Разумеется, те политические элиты, которые отказываются воспринимать подобную искаженную социальную реальность, а опираются на национальные интересы и традиционные ценности, – объявляются врагами, диктаторами. В частности, такое одиозное отношение к лидерам России и Ирана.

Как известно, социальная интеграция обеспечивает консолидацию общества и устойчивость политической системы. Российский вертикальный тип социальной интеграции определяется доминированием государственной и духовно-идеологической системы, определяющих «общественное» единство. Горизонтальный же тип интеграции, выражающейся в принципе равноправия социальных субъектов-сообществ, безусловно, гарантирует их участникам больше свободы, но при этом

является крайне неустойчивым, требующим постоянно высокого уровня социальной инициативы и солидарности, кооперации. В условиях современных геополитических угроз фактически происходит информационная война, направленная на отчуждение социальных сообществ и граждан от институтов Государства, разрушение общественной интеграции через девальвации в сознании населения роли Государства, Правительства, значимых общественных институтов.

Механизмы формирования социальных норм также напрямую подвержены геополитическим угрозам, характерным для Каспийского макрорегиона. Например, сюда можно отнести активное продвижение геополитикой стран Запада идеи о главенстве международной системы права над национальными правовыми системами, а также матрицами социальных и религиозных норм, что неизбежно приводит к конфликтам и ответным реакциям стран. Так, Россия в последние годы отказалась признавать верховенство международного права над собственной правовой системой, лишив тем самым страны Запада очередного инструмента для вмешательства во внутреннюю политику нашей страны. Безусловно, комплекс механизмов формирования социальных норм не исчерпывается только отношением международной и национальной систем права. В рамках социетального подхода большое внимание уделяется активности социальных сообществ, в том числе и их участию в формировании новых социальных норм, нового социального порядка. Учитывая недостаточное развитие систем гражданского общества в России и странах Каспия, масштабность этнических и религиозных сообществ, а также виртуализацию социальной реальности – общественные механизмы формирования социальных норм являются очень уязвимы для геополитических угроз, направленных на манипуляцию и формирование антигосударственных, антиобщественных норм правил.

Несомненно, особый комплекс геополитических угроз социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе несут проблемы международного терроризма и религиозного экстремизма, непосредственно связанные с религиозной и национальной идентичностью, конфликтами между этическими сообществами. Рассмотрение данных деструктивных процессов в геополитическом контексте, на наш взгляд, оправдано тем, что, часто формирование террористов и религиозных экстремистов, а также эскалация конфликтов между различными типами сообществ являются инструментами прямого внешнеполитического вмешательства, направленными на политическую, социально-экономическую и социокультурную дестабилизацию той или иной страны.

Россия имеет объективную, «географическую» уязвимость к данным угрозам из-за территориальной близости со странами Каспия и, опосредованно через них, с «международными очагами» терроризма и религиозного экстремизма. Казахстан, Туркменистан, Иран, Азербайджан, практически, напрямую или через соседние страны граничат с афганскими, иракскими, сирийскими центрами террористов и религиозных экстремистов. Это, безусловно, способствует «деструктивному экспорту»

идей и практик религиозного экстремизма и терроризма в страны Каспийского макрорегиона. Кроме того, значительную роль оказывают и тесные социокультурные, социально-экономические (семейные) связи между населением каспийских стран и прикаспийских субъектов России: Астраханской области, Республик Дагестан и Калмыкия, которые являются крупными, полиэтничными регионами (их совокупное население составляет примерно 4500 000 граждан). Данные регионы имеют мощный транзитный статус, что позволяет распространять подобные деструктивные процессы и вглубь территории России. Соответственно, можно утверждать, что рост терроризма и религиозного экстремизма на территории любой страны Каспия является прямой геополитической угрозой и социетальной безопасности России.

Терроризм и религиозный экстремизм как геополитические угрозы социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе

В постсоветский период ситуация с конфессиональной безопасностью в пространстве Каспийского макрорегиона является очень сложной, входящие в него страны сталкиваются с новыми террористическими угрозами [2]. Рассмотрим данную ситуацию в Каспийских странах.

Факт роста религиозно-экстремистских организаций в прикаспийских областях Казахстана отмечается многими экспертами. Согласно мнению ряда американских исследователей: «рост экстремизма в Казахстане фиксируется с начала 2000-х гг. и связан с участием отдельных граждан Казахстана в джихадистских группировках, действующих в Афганистане и Пакистане» [3]. Представители органов безопасности Казахстана определили, что особо уязвимыми для идеологии исламского экстремизма являются малообеспеченные граждане и мигрант. При этом наблюдается и парадоксальная ситуация: среди казахских граждан, вступивших в различные террористические и религиозно-экстремистские сообщества, есть достаточно много обеспеченных людей, что, на наш взгляд, подтверждает их глубокую мировоззренческую включенность в идеологию религиозного экстремизма. В Казахстане, особенно его прикаспийских областях, постоянно происходят аресты представителей террористических группировок. Например, «13 августа 2021 г. сотрудниками КНБ Республики Казахстан по подозрению в “пропаганде терроризма” и “разжигании религиозной розни” были арестованы жители гг. Атырау и Жанаозена Мангистауской области (КНБ, 2021)» [4].

Соответственно, «национальная идентичность казахов оказалось весьма уязвимой для воздействия идей терроризма и экстремизма, что несет, в свою очередь, уже геополитические угрозы смены политического режима на новый – радикально исламизированный. Такой вариант событий может осложнить российско-казахстанские отношения и усилить угрозы социетальной безопасности в прикаспийских российских регионах» [2].

Анализ ситуации с угрозой терроризма и религиозного экстремизма показывает, что данные деструктивные процессы, в той или иной степени, характерны для всех стран Каспийского макрорегиона, хотя, безусловно, большую роль играют внутривосточные и этноконфессиональные отношения, что еще раз подтверждает методологическую оправданность социетального подхода. Например, в Азербайджане существуют сложные отношения между шиитскими (ориентированными на Иран) и суннитскими сообществами (тесно взаимодействующими с радикальными организациями Ближнего Востока). Ситуация обостряется и «карабахским конфликтом». Сепаратистские настроения части населения Азербайджана могут быть использованы суннитскими сообществами, связанными, в том числе, с радикальными группировками на российском Кавказе. В Азербайджане активно идет «трансфер терроризма и экстремизма»: отмечены многочисленные случаи «выезда радикально настроенных суннитов Азербайджана в Сирию, Ирак и другие страны Ближнего Востока с повышенной террористической активностью. ...В общей сложности около 1000 азербайджанцев примкнули к международному терроризму» [5].

В этих условиях Службе государственной безопасности Азербайджана (СГБ АР) приходится вести системную масштабную работу по выявлению граждан – членов террористических и религиозно-экстремистских группировок, предотвращать и останавливать прямые акты терроризма и религиозного экстремизма. Ярким «опасным примером» подобной деструктивной активности стали «события в г. Гянджа летом 2018 г. 3 июля здесь было совершено покушение на мэра города и его охранника. По подозрению в причастности к покушению был задержан местный житель Юнис Сафаров. Несмотря на оперативное пресечение деятельности преступника, события в Гяндже продолжились развиваться по негативному сценарию. 10 июля агрессивно настроенная религиозная группа численностью в 150–200 человек попыталась организовать в городе несанкционированную акцию в поддержку Юниса Сафарова. В результате столкновений с силами правопорядка, пытавшимися пресечь акцию, от полученных колото-резаных ранений скончались два высокопоставленных сотрудника Главного управления полиции города» [6].

По итогам этих агрессивных актов представители органов государственной власти Азербайджана определили события в г. Гяндже как вмешательство внешних сил для дестабилизации ситуации в стране: «В ходе расследования также стало известно, что Юнис Сафаров участвовал в боевых действиях на территории Сирии, а убийство мэра им было осуществлено по религиозным мотивам в целях восстановления шариатского государства в Азербайджане» [7]. Разумеется, это был не единичный случай появления религиозного экстремизма в Азербайджане. Так, «в сентябре 2021 г. СГБ АР выявила двух граждан, которые выехали за рубеж для участия в незаконном вооруженном формировании на территории иностранного государства. Известно, что задержанные нелегально прибыли на территорию иностранного государства в 2011 г., вступили

в действующее там преступное сообщество, возглавляемое лицом по религиозному прозвищу “Салахаддин”, в составе которого участвовали в боевых учениях и операциях» [8].

Сложная ситуация с безопасностью в Центральной Азии отразилась и на Туркменистане, в котором также происходит активизация религиозного экстремизма. Нужно отметить, что социокультурная специфика Туркмении, в частности менталитет и кочевые традиции, долгое время были сдерживающими факторами распространения религиозного экстремизма, так как исторически туркмены не поддерживают религиозный фундаментализм. Но в начале XXI в. масштабный «трансфер» религиозного экстремизма и терроризма дошел и до этой страны Каспия. Исследователи стали отмечать: «факты роста числа джихадистов и усиление исламской религиозности среди туркменской молодежи. В Сирии и Ираке среди боевиков ИГИЛ (запрещенная на территории РФ организация) и других джихадистских группировок достаточно много выходцев из Туркменистана. По данным за декабрь 2015 г. базирующейся в США “Суфан групп”, количество туркменских боевиков, выехавших из стран Центральной Азии в Сирию и Ирак, составляло 360 человек. При пересчете данных “Суфан групп” по параметру числа джихадистов на душу населения, в Туркмении отмечался самый большой процент джихадистов на постсоветском пространстве» [2, с. 73]. Соответственно, органы безопасности Туркмении вынуждены проводить масштабные операции по определению «очагов» религиозного экстремизма внутри страны, имеются множественные примеры задержаний религиозных экстремистов. «В феврале 2015 г. в 200 километрах от столицы Ашхабада, в г. Теджене, который с давних времен принято считать столицей туркменского ислама, была проведена операция по задержанию исламистов. У данных представителей были изъяты оружие, боеприпасы, а также религиозная литература. Их целью была организация терактов в Ашхабаде и Теджене» [9]. Опасность роста терроризма и религиозного экстремизма как угроз национальной безопасности и национальной идентичности осознается и руководством Туркмении, что подтверждается подписанием 6 декабря 2019 г. главой государства «постановления об утверждении Национальной стратегии Туркменистана по предупреждению насильственного экстремизма и борьбе с терроризмом на 2020–2024 гг.» [10]. Безусловно, особые опасения служб безопасности Туркмении и России вызывает ситуация на афгано-туркменской границе, обострившаяся после прихода к власти в Афганистане правительства «Талибан». По мнению А. А. Князева, «город Серхетабад и направление таможенного поста Акина-Андхой. Там, в Марыйском и Тедженском оазисе, находятся радикальные группировки, со стороны которых отмечались попытки переправки оружия из Афганистана. Имеется вероятность бунтов, осужденных за причастность к религиозному радикализму, которые сегодня сконцентрированы в тюрьме Овадан-Депе (севернее Ашхабада) и еще нескольких закрытых неизвестных тюрьмах. Такая концентрация вызвана увеличением опасности на границе – дабы пресечь возможные

бунты заключенных и попытки штурма тюрем местным подпольем» [11]. Всё это говорит о серьезной уязвимости Туркменистана для угроз терроризма и религиозного экстремизма. Учитывая общую морскую границу России с Туркменией и серьезный миграционный поток в российские регионы, данные деструктивные процессы являются прямыми угрозами и для социетальной безопасности нашей страны, в первую очередь, ее прикаспийских регионов (Астраханской области, Республик Калмыкия и Дагестан).

Особое положение в сфере безопасности, угроз роста терроризма и экстремизма имеет и Исламская Республика Иран. Это объясняется географическими, геополитическими, внутривосточными и социально-экономическими факторами. Географическая сопричастность Ирана с центрами мирового терроризма, религиозного фундаментализма и экстремизма (Ирак, Пакистан, Афганистан) неизбежно усиливает «трансфер» деструктивной идеологии.

Социетальная нестабильность Ирана объясняется и конфессиональным фактором, поскольку значительная часть иранцев является шиитами, то они априори рассматриваются международными террористическими организациями (в основном суннитскими) как «неверные», с которыми необходимо вести вооруженную борьбу. Органы безопасности Ирана, как и их коллеги в других странах Каспия, находятся постоянно в условиях активной работы по предотвращению терроризма и религиозного экстремизма. К сожалению, деструктивные акты происходят: «трагическим примером стал теракт 7 июня 2017 г., когда террористы МТО ИГИЛ (запрещенная на территории РФ организация) совершили одновременные атаки на здание парламента Ирана в центре Тегерана и на мавзолей Имама Хомейни. Тогда в результате нападений погибли 17 человек и было ранено более 40 человек» [12].

Иран также является объектом «пристального внимания» стран Запада во главе США, в первую очередь из-за огромных природных ресурсов и жесткой суверенной политики, центрированной на национальной (исламской) идентичности. Иран находится под длительными западными санкциями, и любая нестабильность в политической системе или обществе Ирана является желанным процессом для США. В этом контексте поддержка США радикальных группировок в Сирии и Ираке и их «трансфер» создает прямые угрозы социетальной безопасности Ирана.

Проведенный нами философский анализ показывает, что технологии распространения террористической и религиозно-экстремистской угрозы в пространстве Каспийского макрорегиона достаточны стандартны. В первую очередь, используется социетальная нестабильность – политическая, социально-экономическая, социокультурная (конфессиональная) уязвимость и конфликтность сообществ той или иной страны, того или иного региона. Идеологи религиозного экстремизма и терроризма осуществляют «трансфер боевиков» из страны в страну, а также вербовку граждан, в первую очередь, «молодежи с целью побуждения их к выезду

для прямого участия в боевых действиях, для создания террористической организации внутри региона» [13], за солидные вознаграждения, получение статусных атрибутов новой организации, что для людей с кризисом собственной идентичности часто является решающим аргументом. Данные геополитические угрозы несут прямую опасность социетальной безопасности как России, так и всем странам Каспия.

Таким образом, *концепция социетальной безопасности является методологически валидной для исследования проблем безопасности России в Каспийском макрорегионе. Геополитическими угрозами социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе являются:*

1. Препятствие США укреплению макрорегионального авторитета России на Каспии и реализации ее национальных интересов.

2. Многовекторность международной политики Казахстана, Азербайджана, Туркменистана, в частности, пересечение их экономических и геополитических интересов с США, Китаем, Турцией.

3. Влияние глобальных политических конфликтов и процессов на безопасность Каспийского макрорегиона (например, Карабахский конфликт, влияние Турции на Азербайджан в контексте ее позиции по конфликту в Сирии, конфликтность «ядерной программы» Ирана и др.).

4. Международный терроризм и религиозный экстремизм.

Литература

1. Леусенко И. В. Социетальный анализ и безопасность общества / И. В. Леусенко. – URL: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/sch1_soderzhanie/Sch-1-10.pdf

2. Аршинов Ю. Е. Каспийский регион – 2025 : международно-правовой статус, экономика и безопасность : аналитический доклад / Ю. Е. Аршинов, А. А. Казанцев, М. В. Лапенко, С. А. Притчин // Казахстанско-российский экспертный IQ-клуб. – Саратов, 2017. – С. 70–73.

3. Корнелл Сванте Э. Религия и светское государство в Казахстане. Программа исследований Шелкового пути и Институт Центральной Азии и Кавказа / Сванте Э. Корнелл, Фредерик Старр, Джулиан Такер. – 2017. – С. 53–61.

4. КНБ : задержаны приверженцы радикальных течений. – URL: <https://kazlenta.kz/37951-knb-zaderzhany-priverzhency-radikalnyh-techeniy.html>

5. Гикашвили Г. Терроризм на Южном Кавказе / Г. Гикашвили // Постсоветские исследования. – 2019. – № 2. – С. 1292–1304.

6. Нагаев К. Во время акции протеста в Азербайджане были убиты двое полицейских / К. Нагаев, Е. Маляренко. – URL: <https://www.rbc.ru/society/10/07/2018/5b45020a9a79470bbe1fa5e>

7. Исазаде Ф. Внешние силы обеспокоены развитием Азербайджана – МИД / Ф. Исазаде. – URL: <https://interfax.az/view/738490>

8. Сообщение отдела по общественным связям Службы государственной безопасности Азербайджана. – URL: <https://www.dtx.gov.az/ru/news/1654.html>

9. Булкин В. В. Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) / В. В. Булкин, К. С. Моисеенко // Постсоветские исследования. – 2020. – № 3. – С. 479–486.

10. Президент Туркменистана утвердил Национальную стратегию по предотвращению экстремизма и противодействию терроризму. – URL: https://turkmenportal.com/blog/23622/prezident-turkmenistana-utverdilnacionalnuyu-strategiyu-po-predotvrashcheniyu-ekstremizma-i-protivodeistviyuterrorizmu?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

11. Князев А. А. Кто гарантирует безопасность Туркменистана? / А. А. Князев. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/kto-garantiruet-bezopasnostturkmenistana>

12. В Иране обезврежены две террористические группы. – URL: https://www.iran.ru/news/politics/109737/V_Irane_obezvrezheny_dve_terroristicheskie_gruppy

13. Мендкович Н. Что угрожает прикаспийским и центральноазиатским странам / Н. Мендкович. – URL: <https://vestikavkaza.ru/material/263408>

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Топчиев М. С., кандидат политических наук, доцент кафедры культурологии, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму

E-mail: MSTopchiev@ya.ru

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Topchiev M. S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Leading Researcher, Head of the Center for the Study of Integrated Security Problems of the Caspian Macroregion and Countering Terrorism and Extremism

E-mail: MSTopchiev@ya.ru